

Феномен

Начнем, собственно, с разговора о легкой губановской поступи.

Есть два поэта, которые в Серебряном веке, скажем прямо, не состоялись, однако в последующие годы нашли непроторенные тропки в русской поэзии. Один – эмигрант, другой – неподцензурный поэт. И именно они задали два самых отчетливых вектора развития, волей-неволей наплодив безумное количество учеников (эпигоны не в счет).

Первая линия пошла от акмеиста* Георгия Иванова. Понятно, что самиздат и тамиздат вливали в оттепель еще и Осипа Мандельштама, но для того чтобы поддерживать начатую им линию, необходимо быть конгениальным ему. А таких не нашлось (и не найдется). Еще одна (пост)акмеистическая линия идет от Анны Ахматовой – Иосиф Бродский, Евгений Рейн, Анатолий Найман, Дмитрий Бобышев, отчасти Александр Кушнер. Но это линия заканчивается на этих же именах. Продолжения нет. Наш последний нобелиат стал камнем преткновения. Есть только те, что топчутся на освоенном пятачке и не могут сделать шага в сторону. Зато неожиданно возшла иная поросль – ивановская: Сергей Гандлевский, а позже Борис Рыжий и Денис Новиков. Последний как раз таки писал**:

*А мы, Георгия Иванова
ученики не первый класс,
с утра рубля искали рваного,
а он искал сердешных нас.*

* Линия Николая Гумилева, создателя акмеизма, продолжилась Николаем Тихоновым, Владимиром Луговским и Константином Симоновым – и выдохлась еще до войны.

** Новиков Д. Г. «А мы, Георгия Иванова...» // Река – облака. М.: Воймега, 2018. С. 112.

Вторая линия идет от протоконцептуалиста Евгения Кропивницкого*, **. Он – на минуточку! – родился в один год с Вадимом Шершеневичем и Владимиром Маяковским. Сочинял и стихи, и музыку, рисовал картины. Его тексты 1910–1920-х годов написаны под влиянием имажинистов и новокрестьянских поэтов. Видимо, Кропивницкий отдавал себе в этом отчет, поэтому начал искать нечто новое. И вышел к предельно честному бытописанию. За ним пошли лианозовцы, за ними – концептуалисты, за теми – несть им числа.

И в этом контексте особенно удивительно выглядит феноменальная лирика Леонида Губанова. Поэт одинаково далек и от постакмеизма, и от концептуализма, чуть ли не физически привязанных к реальности. Для него настоящее чудо происходит в иной плоскости, в ирреальности, за гранью, в инобытии.

При жизни его часто называли внуком (или внучатым племянником) Сергея Есенина и учеником Маяковского. Это несколько неверно. Губанов сложнее. Его поэтика – это верлибр образов, каталог образов (что говорит о влиянии в первую очередь Вадима Шершеневича и Анатолия Мариенгофа) и поток сознания (что позволяет сопоставлять с близкими по времени американскими битниками Джеком Керуаком, Алленом Гинзбергом и Уильямом Берроузом); при этом образная система дисгармонична, то есть зиждется на противоположных понятиях или попросту не коррелирующих меж собой.

В своей декларации имажинисты писали: «Мы, настоящие мастерские искусства, мы, кто отшлифовывает образ, кто чистит форму от пыли содержания лучше, чем уличный чистильщик сапоги, утверждаем, что единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов. О, вы слышите в наших произведениях верлибр образов. Образ, и только образ. Образ – ступнями от аналогий, параллелизмов – сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения – вот орудие производства мастера искусства. Всякое иное искусство – приложение к “Ниве”»***.

Губанов мог бы подписаться под каждым словом.

Более того, в отличие от «опростившегося» Мариенгофа и вечного экспериментатора Шершеневича, он, что удивительно, наиболее последователен имажинистской декларации.

Кублановский в частной беседе с нами говорил, что Губанов либо самостоятельно находил книги «образоносцев»****, либо читал их стихи в самиздате. В одном букинистическом магазине появился сборник Мариенгофа «Развратничаю с вдохновением» с дарственной деньрожденческой надписью Генриха Сапгира – жене Губанова: «С любовью Алене Басиловой – поэту от роду 25 лет и 2000 тысячелетий от Генриха Сапгира. 28/VII. 68 г.»

Собственно, влияние «образоносцев» становится заметно с первых стихов. Когда появилась поэма «Полина», читатели начали улавливать имажинистские нотки. В частности, Владимир Батшев говорил о косвенном влия-

* Евгений Леонидович Кропивницкий (1893–1979) – поэт, художник, композитор, глава лианозовцев (Г. Сапгир, И. Холин, Я. Сатуновский, Э. Лимонов).

** «Считаю, что писать глупые стихи, рисовать дурацкие картины, сочинять идиотскую музыку не следует, т. к. это подло и мерзопакостно. Людям, не одаренным в искусстве, грех пытаться изображать из себя “гениев”. Таких грешников расплодилось сейчас, каквшей – масса. И от этого искусство завшихло, но это с Божьей помощью пройдет» – легко принять эти измышления за губановские, однако это все тот же Кропивницкий. (Подробней см.: Шмелькова Н. Во чреве мачехи, или Жизнь – диктатура красного. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. С. 185.)

*** Декларация // А. Б. Мариенгоф. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. М., 2013. С. 664–665.

**** Батшев упоминает о «Романе без вранья» (1927) Мариенгофа и антологии Шамшурина и Ежова (1925), в которой были напечатаны Есенин, Кусиков, Мариенгоф и Шершеневич.

нии Шершеневича: «Поэма оглушила, но я был еще крепок, я был воспитан на Сельвинском и Шершеневиче; и хотя, как и все, воспринимал неуловимую вторичность, – дикость образов, ломание падежей, – густота красок навалилась на меня»*.

Есть и прямые реминисценции. На них, кажется, никто еще не обращал внимания. Рассмотрим самый яркий пример. Он касается известной истории Серебряного века: на одном из поэтических концертов во время чтения Шершеневича из зала поднялся Маяковский и во всеуслышание заявил, что имажинист украл у него штаны. К радости зрителей, началась великолепная словесная пикировка.

Случилось это из-за схожести образов. У Шершеневича в одном стихотворении получилась такая строфа**:

*Из Ваших поцелуев и из ласк протертых
Я в полоску сошью себе огромные штаны
И пойду кипятить в семиэтажных ретортах
Перекуси страсти и докуренные сны.*

А у Маяковского штаны преобразились, ибо материал для них он выбрал иной***:

*Я сошью себе черные штаны
из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам его,
профланирую шагом Дон-Жуана и фата.*

На деле же все было совсем наоборот: Маяковский позаимствовал образ у Шершеневича. Но это совсем другая история****.

Важно, что Губанов, прочитав обо всем этом, видимо, в «Романе без вранья», решил вклиниться в образовавшийся литературный ряд (помимо обозначенных поэтов, в нем еще Саша Черный***** , Георгий Иванов***** и Булат Окуджава*****):

*Я надену вечернее платье моего легкого почерка,
Посажу на голову белого голубя,
А потом отнесу на твою почту
Афоризмы своего разрезанного горла.*

* Батшев В.С. СМОГ: поколение с перебитыми ногами // Белый мамонт. URL: http://www.belmamont.ru/index.php?action=call_page&page=product&product_id=220

** Шершеневич В.Г. «Так ползите ко мне по зигзагистым переулкам мозга...» // Великолепный очевидец. М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. С. 100.

*** Маяковский В.В. Кофта фата. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 89.

**** Подробно об этом пишет В.А. Дроздов в статье «Об одном поэтическом образе Маяковского и Шершеневича (когда и из чего “сшили” себе “штаны” поэты)» (Dum Spiro Spero: 0 Вадиме Шершеневиче и не только. Статьи, размышления, публикации. М.: Водолей, 2014).

***** По большому счету, все началось именно с Саши Черного: «Подходит некто в сером, но по моде, / И говорит поэту: “Плач земли?..” / – “Нет, я вам дал три “Песни о восходе”. / И некто отвечает: “Не пошли!” // Поэт поник. Поэт исполнен горя: / Он думал из “Восходов” сшить штаны! / “Вот здесь еще “Ночная песня моря, / А здесь – “Дыханье северной весны”».

***** У Георгия Иванова было: «Портной обновочку утюжит, / Сопит портной, шипит утюг, / И брюки выглядят не хуже / Любых обыкновенных брюк. // А между тем они из воска, / Из музыки, из лебеды, / На синем белая полоска – / Граница счастья и беды...»

***** У Булата Окуджава брюки превращаются в пиджак: «Я много лет пиджак ношу. / Давно потерял и не нов он. / И я зову к себе портного / И перешить пиджак прошу. // Я говорю ему шутя: / “Перекроите все иначе. / Судит мне новые удачи / Искусство кройки и шитья”».

Губанова надо прочесть, пропеть, прочувствовать – от начала до конца. Тогда будет эффект. И встретятся (часто – в одном и том же разбираемом тексте) отсылки и к Есенину, и к Мандельштаму, и к Маяковскому, и к Пастернаку, и к Гумилеву, и к Цветаевой и т. д.

<...>

*Застегнусь ли я опять на алмазные пуговицы,
Буду водку с кем-то пить, дерзкий и мраморный,
Ничего я не хочу в вашей жуткой путанице –
Я давно уже не ранний, но все же раненый!..**

Но феномен юного гения в другом. Верлибр образов и поток сознания заставляют работать Губанова со всем его бэкграундом (оттого-то он после ухода из школы так глубоко зарывается в книжки). А дальше все случается почти как у Пастернака: «Чем случайней, тем вернее...» И – поэта уже не остановить. Короткая строка (как правило, классические четырехстопные ямб или хорей) с оригинальной рифмой, которая порой превосходит не то что Вознесенского или Маяковского, а рифмы (и образы) имажинистов: что ни говори, а Мариенгоф, Есенин, Шершеневич работали до седьмого пота над ними**. Ожидание чуда – ожидание рифмы – благодаря скованной строке становится сверхкоротким – и из ожидания как такового переходит в предвосхищение. А тут один шаг до прямого поражения – раз и навсегда.

Плюс к этому Губанова надо прочесть, пропеть, прочувствовать – от начала до конца. Тогда будет эффект. И встретятся (часто – в одном и том же разбираемом тексте) отсылки и к Есенину, и к Мандельштаму, и к Маяковскому, и к Пастернаку, и к Гумилеву, и к Цветаевой и т. д.

* Губанов Л.Г. Открытка Асе Муратовой // И пригласил слова на пир. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 82.

** Кублановский нам рассказывал: «Губанову нравилась вычурная пастернаковская поэтика, хотя ему был более близок Есенин имажинистского периода. Где народность была совмещена с определенной сюрреалистической образностью. Как написал Есенин, «Голова моя машет ушами, / Как крыльями птица. / Ей на шее ноги / Маячить больше невмочь». То, что у меня вызывало недоумение, в Губанове это отзывалось как удивительная находка». Сам же Кублановский сторонился таких лингвистических, поэтических и поэтологических экспериментов: «Поэзию имажинистов я не любил. Когда ко мне самиздатом в руки попали стихи Шершеневича и Мариенгофа – я остался к ним равнодушен. Из всего этого спектра Серебряного века я прилепился душой к акменизму. Особенно к раннему Мандельштаму; он колоссально отличается от того, который начался с армянских стихотворений. И “Камень”, и “Tristia” мне чрезвычайно любви. Как и отдельные стихи Гумилева. Меня, например, сразу пронзило его стихотворение “Дон Жуан”: “Я вспоминаю, что, ненужный атом, / Я не имел от женщины детей / И никогда не звал мужчину братом”. Но для моих друзей-смогистов это не имело особого значения. Они следили большое не за мыслью, а за образным фокусом» (из беседы с Ю. М. Кублановским. 10 октября 2019 года).

Для Губанова важна связь со всей литературой.

А эффект... Его удобней описать через один современный роман. Есть такой писатель Михаил Елизаров (полный тезка одного из смогистов). Он стал широко известен после книги «Библиотекарь». Сюжет там строится на книгах забытого советского писателя Д.А. Громова (понятное дело: вымышленного писателя): «Нарва» (1965), «Тихие травы» (1977) и т. д. Каждая обладала определенным воздействием: «Это в обычной жизни книги Громова носили заглавия про всякие плесы и травы. Среди собирателей Громова использовались совсем другие названия – Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти, Книга Смысла...»*. И, соответственно, каждая наделяла своего читателя какой-то сверхспособностью. Надо только прочитать ее за один присест, от корки до корки. Таков эффект.

С самиздатскими сборниками Губанова дела обстоят точно так же. Прочитаешь «Волчьи ягоды» – и сможешь без остановки несколько дней гулевать; прочитаешь «Таверну солнца» – и тебя не будут замечать блюстители правопорядка; прочитаешь «Иконостас» – и за тобой, как за Жаном-Батистом Гренуем, будут ходить восторженные толпы, уверенные в твоей святости.

Вот только беда: изданы эти сборнички либо не полностью, либо с ошибками, а бывает, и тексты местами перепутаны. Так что надо искать оригинальные самиздатские книги. Найдете – попробуйте. Эффект обязательно будет. Может, не такой, как описано выше, но точно будет.

«Художник»

Воскресением 1964 года стихи Губанова вытащил из самотека «Юности» Юрий Варшавер**, тогдашний муж Юнны Мориц. Ей отдали целый ворох рукописей – дома разбирала. И мужу попала на глаза «Полина». Приведем текст по самиздатским копиям (в изданных книгах – поздние версии):

*Полина, полинья моя.
Когда снег любит, значит, лепит.
А я – как плавающий лебедь
в тебе, не любящей меня.
Полина, полинья моя.
Ты с глупым лебедем свикаешься.
И невдомек тебе, печаль моя,
что ты смеркаешься, смыкаешься,
когда я бьюсь об лед молчания.*

* Елизаров М. Ю. Библиотекарь. М.: Ад Маргинем, 2010. С. 11.

** Внимание к себе Губанов ценил. Был добропамятным. И участие Варшавера не забывал. Об этом свидетельствует одно из ранних его стихотворений: «Поговорим о городах / На радость Юрику Варшаверу, / Мне в них по лесу голодать. / Как по поэзии в Ошанине. / Ах, современность мне до лампочки, / Смотри – стесненью вопреки / Как слиплись на осенней лавочке / Мои интимные стихи! / Как заглуша твою распутицу. / Во мне, ерша фонарный чуб, / Не тракт любви гудит, а улица. / С толпою разношерстных чувств» (РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 6. Ед. хр. 921). Андрей Журбин объясняет, откуда возникла эта «шпилечка» в адрес Ошанина: «...на выставке художника Николая Сенкевича, организованной его ровесником Губановым, произошел скандал с посетителем – лауреатом Сталинской премии поэтом Львом Ошаниным. [Сенкевич рассказывал:] «Губанов разругался с Ошаниным, сказавшим, что он неправильно обращается с образом, не хочет работать, как работают поэты. Губанов тогда уже чувствовал себя великим поэтом» (Журбин А.А. Отраженья зеркальных осколков: заметки о жинетворчестве Губанова. Астрахань: ГП АО «ИПК "Волга"», 2013. С. 20). Не Губанову ли в том же 1962 году отвечает Ошанин этими четырьмя строчками? «Ступай, не бойся честных драк, / Душой равномо пылай... / Но отличай шенячий лай / От злобы маленьких собак» (Ошанин Л.И. «Ступай, не бойся честных драк...». Собрание сочинений в 3 т. Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 124).

Снег сыплет в обморочной муке.

*Снег видит, как чернеет лес,
как лебеди, раскинув руки,
с насиженных слетают мест.*

<...>

*И вот над матерями и женами,
как над материками желтыми,
летят, курлычут, верой корчатся
за теплые моря, в край творчества.*

*Мы все вас покидаем, бабы,
как Русь, сулящую морозы,
и пусть горят в глазах березы,
мы все вас покидаем, бабы.*

*Мы лебеди, и нам пора
к перу, к перронам, к переменам.
Не надо завтрашних пельменей,
Я улетаю в 22.*

Здесь, конечно, и есенинский (имажинистский) драйв, и эпатаж Маяковского («Мир огромив мощью голоса, / иду – красивый, двадцатидвухлетний»), и, собственно, гений самого Губанова. «Полина» – это его лебединая во всех смыслах песня. Выглядит нетрадиционно, авангардистски и одним своим строем речи вызывает нервный зуд у правоверного коммуниста. Но содержание – это все, что мучает молодого человека: в имени Полина тесно сплетены поэзия, любовь и родина (по, л, ина). Казалось бы, что еще нужно?

Варшавер показал текст своему другу Петру Вегину*, а тот в свою очередь позвонил Евгению Евтушенко. Обалдев от прочитанного, поэт поспешил к главному редактору «Юности» – Борису Полевому. Литературный начальник, увидев «Полину» и поняв, с чем он имеет дело, отказался ее печатать. Тогда Евтушенко выставил ультиматум: либо он уходит из редколлегии, либо Губанов идет в номер. Подумав какое-то время, Полевой решился на публикацию. Но не всей поэмы, а отрывка в двенадцать строк. Вот он**:

Холст 37 на 37.

Такого же размера рамка.

Мы умираем не от рака

И не от старости совсем.

Когда изжогой мучит дело,

Нас тянут краски теплой плотью,

Уходим в ночь от жен и денег

На полнолуние полотен.

Да! Мазать мир! Да, кровью вен!

Забыв болезни, сны, обеты!

И умирать из века в век

На голубых руках мольберта.

* Петр Викторович Вегин (наст. фамилия Мнацаканян, 1939–2007) – поэт. Печатался как поэт с 1958 года. В 1963-м перебрался в Москву. По совету А.А. Вознесенского взял себе псевдоним – Вегин. В 1964-м – первый сборник стихов. С 1969-го – член СП СССР.

** Губанов Л.Г. Художник // Юность. 1964. №6. С. 68.

Красиво, неожиданно, экстравагантно. Рядом фотография – мечтательный мальчишка в футуристическо-кубическом свитере, под снимком справка: «Леониду Губанову 17 лет. Он москвич. Учится в 9-м классе школы рабочей молодежи и работает в художественной мастерской». Почти все правда: он действительно москвич и ему 17 лет, через месяц отпразднует совершеннолетие; но из ШРМ он уже вылетел, а в художественной мастерской не работает, а учится. Но раз написали, значит, так надо было.

Случилась долгожданная публикация на серьезном уровне – в журнале «Юность». Тираж – 1 миллион экземпляров. Читает вся страна. Доступен в каждом киоске. Самое время – напечататься, а на следующий день проснуться знаменитым. Надо было пользоваться ситуацией и перезнакомиться со старшими товарищами.

Вот как это было.

«I. Ходил к Межирову. Читал стихи. <...> Он считает, что я тихо Гениален» – хвалится поэт в апрельском письме 1964 года товарищу Мейланду*.

Вегин же настаивал на том, что толку от похвал Межирова нет и не будет: «Он восторгался, захлебывался, как глухарь на току, своими похвалами Губанову, но вместо нормальной помощи не нашел ничего лучшего, как вырывать из Библии страницы “Откровений Иоанна Богослова” и “Книги премудростей Екклесиаста”, которые он со священной дрожью протягивал Лене...»**.

«II. Был у Андрея Вознесенского, [– продолжает Губанов.] – Признал совершенно. Долго жал лапу. А потом в Москве, в редакции, при встрече, представлял так, как Бурлюк Маяковского: “Запомните эту фамилию”».

Об этих отношениях мы еще отдельно поговорим. Пока же приведем только рассказ Галины Леоновой, одноклассницы по литературной студии на Воробьевых горах: «Однажды теплым летним вечером Леня зашел ко мне и пригласил поехать с ним в Переделкино к Андрею Вознесенскому, который звал его “почитать”. <...> У Вознесенского мы пробыли часа два. Леня начал читать, минут через 15–20 Андрей остановил его, чтобы позвать жену. Они оба слушали его еще около часа. Мне, наивной, казалось, что после этого визита у Лени все будет в порядке. Конечно, Вознесенский, используя все свое влияние, составит ему протекцию и Леню начнут печатать в толстых журналах, выпустят книгу...»***

Увы, это были только грезы. Но продолжим:

«III. И, наконец, я у Евтушенко. <...> После прочтения долго улыбался и говорил про меня: “Да, действительно задел Вас Боженька своей лапой...” и что-то еще про великое будущее».

Губанов звонил Вегину с благодарностью: «...мы сидим с Женей на кухне, и он кормит меня борщом, который приготовила его мама...»****

Как можно еще помочь молодому поэту? Опубликовать его. Но после «Художника» в «Юности» дело как-то застопорилось. Да и по поводу этого отрывка было и остается много вопросов.

Некоторые друзья Губанова уверены, что Евтушенко специально напечатал эти 12 строчек из «Полины», соединив их таким «нелепым» образом, чтобы цензорам и блюстителям нравов показалось, будто советский школьник сам стремится убежать «от жен и денег на полнолуние полотен». Чего добивал-

* Как незаконная комета: [фото, письма, стихи Л.Г. Губанова] / вступ. ст. Вильяма Мейланда // Дар. 1992. № 1. С. 41–45.

** Вегин П. Из книги «Опрокинутый Олимп: роман-воспоминание» // Про Леню Губанова: книга воспоминаний. М.: Пробел, 2016. С. 105–106.

*** Леонова Г. [Воспоминания о Л.Г. Губанове] // Про Леню Губанова: книга воспоминаний. М.: Пробел, 2016. С. 184–185.

**** Вегин П. Из книги «Опрокинутый Олимп: роман-воспоминание» // Про Леню Губанова: книга воспоминаний. М.: Пробел, 2016. С. 105.

ся благодетель? Хотел испортить репутацию юному «конкуренту» и на долгое время, если не навсегда, исключить его стихотворения из печати*.

Все это, конечно, тайны мадридского двора – абсолютно бездоказательные. Евтушенко – насколько мы можем сегодня судить – всегда стремился помогать юным и не очень юным дарованиям. Он печатал ведь не только Губанова, но и Бориса Чичибабина, и Нику Турбину, и много кого еще.

Конкуренция? Это смешно. Как говорил Бродский, на таком уровне нет ни рангов, ни конкуренции.

Если говорить по делу, то надо смотреть архивы. Владимир Орлов, работавший в РГАЛИ с журналом «Юность»**, уточняет, что больше официально стихи Губанова не проходили через редакцию. Хотя, думается, такие попытки предпринимались. Если не в 1964 году и не во времена СМОГа, то чуть позже. Через того же Евтушенко или уже самостоятельно.

Но тут необходимо прояснить один момент. Орлов пишет: «В стенограмме обсуждения верстки шестого номера Губанов никак не упоминается, хотя стихи некоторых других поэтов подвергаются критике. <...> Евтушенко на этом заседании редколлегии не присутствовал вовсе, из “молодых” был только Василий Аксенов. Подписи на листе согласования – Михаила Львова*** и Леопольда Железнова****. Формально это никак не противоречит общепринятой версии – если Евтушенко прибегал к угрозе выйти из состава редколлегии в случае отказа “Юности” опубликовать Губанова, то делал это кулуарно, с глазу на глаз с Полевым, после решения которого вопрос публично более не дебатировался»*****.

* Например, неистовствовал Лев Алабин: «Руки бы оторвать за эту публикацию. Ведь это надо же такое состряпать, – советский школьник уходит “от жен” и главное – денег, и его тело “мучит изжога”. И хотя там нет первого лица, а есть общее – “мы”, Леня среди них, он входит в это “мы”, уходящее от жен, денег, изжоги. (Я тогда даже не обратил внимание на то, что там не “тело”, а “дело” “мучит изжога”. Мне показалось, что это просто глупая маскировка слишком прямого высказывания)». Подробнее см.: Алабин Л. И последней сволочи я брошу на карту неизвестный смог // Литературная Россия. 2015. 23 февр.

** Стихотворения поэтов. Фамилии на букву «Г» // РГАЛИ. ф. 2924. Оп. 2. Ед. хр. 1305.

*** Рафкат Давлетович Маликов (Габитов) (1917–1988) – поэт. Взял псевдоним Михаил Львов. Работал в редакции журналов «Юность» и «Новый мир».

**** Леопольд Абрамович Железнов (наст. фамилия Айзенштадт; 1905–1988) – журналист, критик, работал в «Правде», писал программные речи для секретаря Ленинградского губкома ВКП(б) С. М. Кирова, после войны работал в журнале «Юность».

***** Орлов В. Из архива журнала «Юность» // Facebook. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1189592114585369&id=100006037756383